

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ПОДАРИЛ НАМ МАЗСТРО АББАДО

Мы прожили праздничные дни: в Большом зале Консерватории в Москве и в Большом зале Петербургской филармонии выступал Берлинский филармонический оркестр под управлением Клаудιο Аббадо.

Аббадо — выдающийся маэстро, один из главных, а может быть, и главная фигура современного европейского дирижирования; ныне он, итальянец, вошел в великую «немецкую цепь» — разумею дирижеров, руководивших Берлинским филармоническим оркестром (их было всего четверо за его столетнюю историю) и сделавших этот оркестр мировой культурной величиной.

Вот загадка для нас, коллективистов: как может коллектив, не раз обновлявшийся в своем людском составе, стать некой непреходящей ценностью? Что здесь важно: традиция, воля руководителя? Да, конечно, но еще и огромное общественное уважение к культуре, к искусству и людям искусства; благодаря этому Берлинский филармонический оркестр сумел сохранить себя в самые трудные времена, более того, он возвращал долг своему народу, поддерживая его в роковые годы диктатуры и войн.

Каков оркестр сегодня под руководством Аббадо? Необычна для нас раскладка: валторны и трубы, например, расположены на разных концах эстрады, из-за чего звучание «меди» приобретает глубину. Изумительная струнная группа: она играет и мощно, и мягко, порой — победоносно (финал Первой симфонии Брамса), а порой — трепещущие, и вы начинаете понимать, что нет на свете инструментов, которые полнее, чем струнные, передавали бы жизнь человеческой души. Превосходны в Берлинском оркестре также и духовые, особенно деревянные: иллюзию человеческого дыхания, человеческой речи создали они во второй части брамсовской симфонии, в «Дон Жуане» Рих. Штрауса (гобой в «эпизоде донны Анны»). Дисциплиной ли, личным ли мастерством исполнителей, качеством ли инструментов держится этот уровень оркестровой игры? Снова — едва ли не наивный вопрос, да и ответ снова простой: да, всем этим вместе, но еще и ответственностью музыкантов перед обществом, которое их любит, их ценит (обществом, а не государством — разница понятная: музыка в Германии не только представляет, «от имени...», но и живет в толще общественного сознания).

А что же Аббадо? Скажу так: всю музыку, им продирижированную в двух концертах, я вос-

принимаю как нечто неделимое, как одно огромное сияние, одно звучащее явление Красоты. Могу ли признаться, что для меня, музыканта-профессионала, почти не имело значения, Брамса ли играют или Малера, Бетховена или Берга. Звучит музыка, великая, прекрасная Музыка, и я наслаждаюсь ею в исполнении выдающегося оркестра и выдающегося дирижера. Заслугой артистов-исполнителей всегда считалось толкование Бетховена «в бетховенском духе», Брамса — «в брамсовском» с явными, подчеркнутыми отличиями одного от другого. А тут — не слышу различий, и для меня это подлинная отрада и высочайшая хвала артистам, ибо сегодня более всего тоскую я — и я ли один? — по цельности, неделимости бытия.

Разумеется, у Аббадо и его оркестра есть особенности, раскрывшиеся во всех играемых сочинениях. Замечательно удаются подъем, взлет, кульминация, триумф (примеры — «Эгмонт» Бетховена, финалы брамсовской и малеровской симфоний); чувствую здесь и немецкую традицию, идущую едва ли не от знаменитых «нарастаний» мангеймского оркестра XVIII века, и некую величавость, неотделимую от Германии (родила же она Вагнера, Бисмарка) и покоряющую — вспоминаю Герберта фон Караяна за пультом того же Берлинского оркестра!

А рядом — моменты пронизывающей тишины, минуты невероятной душевной концентрации, когда благодаря музыке чувствовалась вся горечь и всю благодать человеческого одиночества, постигаешь его как испытание и как спасение в сегодняшнем пестром и грохочущем мире. Более века назад написана Первая симфония Малера, но когда Берлинский филармонический оркестр во главе с Аббадо играет ее первую часть, когда звучат «тихие» разделы последующих частей, то прикосновение этой великой тишины, этой печали небес, полей, души человеческой, оно живоотнорно по-прежнему или более прежнего; исчезают века, эпохи, страны и остается Человек, страдающий и утешенный.

Аббадо дирижирует Берлинским оркестром, и вы чувствуете, что темп, время могут обладать необычайным богатством градаций. Для нас это почти что неожиданность, почти что но-

вость, так уныло, так монотонно время, в котором мы пребываем, — при всей его лихорадочности! Дело ведь именно в оттенках, от которых мы отвыкли. Аббадо же, играя Брамса и Малера, дает огромное разнообразие «средних темпов», темпов обычной человеческой поступи, а в Бетховене и в Берге «сжимает время», предлагает слушателю как бы символы темпов — и все получается небывало энергичным, небывало действенным! В любом случае говорят нам, что жизнь не понять, не почувствовать в лихорадке, что жизнь — это богатство временных оттенков, и один из призывов великой музыки, внятный благодаря таким артистам, как Аббадо, есть: «Замедлить время и соучаствовать его движению».

Можно ли делать дело важнее? А между тем в музыкантском мире испокон веку существовало недоброжелательство к артистам-звездам: «великие композиторы бедствовали, а дирижеры, пианисты, скрипачи, живущие за их счет, процветают». Слушая и видя Аббадо, можно ответить на это: нет и нет! Выдающиеся исполнители кладут жизни свои на то, чтобы великие послания Музыки доставались нам во всей полноте и чтобы осуществлялось их просветляющее и вдохновляющее предназначение. Посмотрите, как сиял зал во время концертов Аббадо, какое это было торжество, как красивы, молоды и сильны были люди, заполнившие зал, как горячо отвечали они услышанному! И все менялось в нашем ощущении жизни, и тысячи людей, побывавших на концертах, не скажут себе и, надеюсь, детям своим: «Это было в том декабре, когда ввели налог... повысили цены...», но: «Это было в том декабре, когда приехал Клаудιο Аббадо».

Леонид ГАККЕЛЬ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.